ГЕННАДИЙ АВЛАСЕНКО

ИСТОРИЯ ВМЕСТО МАТЕМАТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНДРОНИК"

Геннадий Авласенко

История вместо математики

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Авласенко Г.

История вместо математики / Г. Авласенко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Старшеклассница Настя вместе со своей сельской подругой Ксенией обнаруживает в заброшенной деревенской избе таинственную старинную книгу в чёрном переплёте. Несмотря на все предостережения Ксюши, Настя решает забрать книгу себе...С этих пор ее жизнь превращается в кошмар!

© Авласенко Г.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. История вместо математики 5
Глава 2. Во сне и наяву 12
Глава 3. Чёрная книга (Небольшое отступление в прошлое) 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Геннадий Авласенко
История вместо математики

Глава 1. История вместо математики

Подходя к кабинету математики, Настя невольно замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, глядя на часы. Знакомое чувство тревожной неуверенности вновь охватило её.

Десять минут урока уже прошло.

Если ничего из того, что они задумали, не получилось – а, скорее всего, так оно и есть – и если там за дверью, идёт сейчас урок математики, тогда…

О том, что ожидало её тогда, Насте не хотелось даже думать.

Некоторое время она молча и неподвижно стояла возле двери, потом с тяжёлым сердцем положила руку на прохладный металл дверной ручки, ещё немного помедлила, словно раздумывая, и, собравшись, наконец, с духом, осторожно приотворила противно заскрипевшую эту дверь.

И сразу же вздохнула с облегчением.

Вместо математики в кабинете шёл урок истории (по расписанию он стоял, кажется, предпоследним). Историк, Николай Сергеевич, нескладный и близорукий, стоял возле классной доски, на которой, немного наперекос, была прикреплена карта наполеоновских войн. Николай Сергеевич водил указкой по карте и, одновременно с этим, что-то объяснял классу однообразно-монотонным и почти не различимым голосом.

В классе, между тем, каждый продолжал заниматься своими личными делами. Почти никто из учеников не слушал педагога, а некоторые даже вида не делали, что слушают, откровенно развлекаясь, кто как может. Такое происходило почти на каждом из уроков Николая Сергеевича, но он, то ли просто не замечал всего этого безобразия, то ли, что куда более вероятно, безобразие сие почему-то крайне мало его волновало.

– Разрешите, Николай Сергеевич? – подчёркнуто вежливо произнесла Настя, входя в класс.

– Нестерович? – оборвав на полуслове занудный свой монолог, историк с явным недоумением взглянул на Настю поверх очков, потом он подошёл к учительскому столу и уже сквозь очки уставился в классный журнал. – А я уже отметил, что тебя нет сегодня! – он вновь посмотрел на Настю поверх своих блестящих стёклышек. – Что же нам делать теперь?

Это был вопрос ради вопроса, и, прекрасно это понимая, Настя лишь молча пожала плечами и направилась к своёму месту, а Николай Сергеевич посмотрел на часы и почему-то глубоко вздохнул.

– Всё получилось! – радостно зашептала соседка по парте и, одновременно, лучшая Настина подруга, Вероника. – А ты сомневалась!

– Да я и сейчас не особенно верю, – тоже шёпотом ответила Настя, медленно и с явной неохотой вытаскивая из ранца по очереди: дневник, тетрадь, ручку и, наконец, сам учебник истории. – Ну, не пришла сегодня! Мало какая причина!

Вероника ничего не ответила и какое-то время подружки сидели молча и почти внимательно слушали об удивительных успехах наполеоновской Франции над могущественной хоть и разношёрстной коалицией европейских государств во главе с Англией, о борьбе не на жизнь а на смерть между Францией и Англией, об окружении армии Мака, об Аустерлице…

Наконец Вероника не выдержала.

– Ну, какая ещё может быть причина! – зашептала она почти сердито. – Не должно быть никакой другой причины!

– Не должно! – тут же согласилась Настя, глаза её вдруг испуганно округлились. – А ты вчера ни с кем не разговаривала, когда от меня шла?

– Нет! – рассеянно проговорила Вероника, думая о чём-то своём. – А ты?

– А я сразу же спать завалилась! – радостно сообщила Настя, потом она помолчала немного и добавила, ещё понизив голос: – Зря мы, наверное, иголку на парафиновой свечке накаливали! Сказано же было: на восковой! Причём, из чёрного воска! Слушай, а разве чёрный воск бывает?

– Парафин же бывает, – резонно заметила Вероника. – Почему тогда воску нельзя?

Настя пожала плечами, а Николай Сергеевич собрался с духом и, прибавив чуток металла в слабый свой голос, сделал подружкам замечание, после чего они какое-то время сидели молча и даже успели узнать об окончательном разгроме Пруссии и союзных ей российских войск при Фридланде, о Тильзитском перемирии, о личных встречах Наполеона и Александра…

– Слушай! – снова не выдержала Настя. – А давай спросим, почему её нет! – Настя умоляюще смотрела на подругу. – Спроси, а?

– Сама спроси!

– Думаешь, не спрошу! – Настя решительно вздёрнула вверх руку. – Николай Сергеевич, а почему у нас сейчас не математика? Где Мария Степановна?

В классе вдруг сделалось совсем тихо. Оторвавшись от всех своих посторонних дел или лёгкой приятной дрёмы, ученики, все разом, с интересом и даже с каким-то недоумением повернулись в сторону Насти. Потом они, так же дружно, посмотрели на историка, в ожидании ответа.

– Мария Степановна… она, кажется, приболела, – немного помолчав, произнёс не совсем уверенно Николай Сергеевич, потом он снял очки, старательно протёр их какой-то тряпицей, вновь насунул на переносицу. – В общем, сегодня её не будет.

– А завтра? – выкрикнул кто-то из задних рядов.

– Завтра? – учитель, близоруко прищурившись, обвёл класс рассеянным взглядом и пожал плечами. – Не знаю. Скорее всего, тоже нет.

– А что с ней? – не выдержав, задала вопрос и Вероника. – Что-нибудь серьёзное?

И снова учитель немного помедлил с ответом.

– Её в больницу «скорая» увезла ночью, – Высказав это, Николай Сергеевич помолчал ещё немного и добавил: – Кажется, с сердцем что-то…

Подружки разочарованно переглянулись.

– Почему с сердцем? – вновь зашептала Настя. – Сердце мы не трогали! – она вздохнула и неуверенно посмотрела на Веронику. – Может и правда совпадение?

– Надо ещё на ком-нибудь испытать! – Вероника задумчиво посмотрела в сторону монотонно бубнящего историка. – На нём, может?

Настя отрицательно мотнула головой.

– Не, он безвредный! Давай лучше… – она задумалась на мгновение. – Слушай, а давай на физичке! Она меня уже достала!

– Думаешь, меня не достала?!

Вероника наклонилась и вытащила из бокового кармашка ранца небольшие тонкие ножницы, несколько раз щёлкнула ими… положила на край стола.

Причёска у неё короткая! – с сожалением прошептала Настя. – Не срежем!

– Срежем! – Вероника вновь щёлкнула ножницами, как бы проверяя, потом сунула их в задний карман джинсов. – Нам что, пуд надо! – она взглянула на часы и какая-то странная, откровенно нехорошая усмешка зазмеилась на её плотно сжатых губах. – Ну, где тот звонок, блин! Эта техничка новенькая… вечно у неё проблемы какие-то со временем!

– Так что, может и её? – Настя тоже улыбнулась как-то нехорошо. – Или потом, после физички?

– Подумаем!

В это время прозвенел, наконец, долгожданный звонок и… сразу же вслед за этим дверь класса широко распахнулась. В класс почему-то вошёл сам директор школы, и все ученики привычно поднялись с мест.

– Садитесь! – директор махнул рукой и ученики вновь сели.

– Что ему надо? – встревожилась Настя.

Вероника лишь пожала плечами.

Директор же торопливо подошёл к учительскому столу, за которым, согнувшись в три погибели, сидел Николай Степанович и торопливо заполнял журнал. Директор наклонился к нему, что-то сказал тихо, потом снова повернулся к ученикам.

– Дети! – директор обвёл внимательным взглядом притихший класс. – Так получилось, что занятий у вас сегодня больше не будет.

– Ура! – радостно выкрикнул кто-то из задних рядов и сразу же замолчал.

– Дело в том, что ваш классный руководитель, Мария Степановна… – директор вновь обвёл внимательным взглядом учеников, – дело в том, что она умерла сегодня утром в больнице…

Директор замолчал. Класс тоже молчал, во все глаза глядя на директора. Одна только Вероника сидела, низко опустив голову, да ещё Настя – Вероника знала это, каким-то таинственным внутренним зрением ощущала – Настя смотрела сейчас не на директора, а на её, Веронику…

– А что с ней всё же было? – среди общего молчания спросил вдруг Николай Сергеевич. – Сердце или…

– Сердце – не главная причина! – директор вновь посмотрел на учеников, потом вздохнул почему-то. – Там другое что-то, не совсем понятное… Внутренние кровотечения какие-то странные… притом по всему телу сразу. Не исключается, что… Нестерович, ты куда?!

Неожиданно вскочив с места, Настя всхлипнула и вдруг стремглав бросилась в сторону выхода. Словно слепая, она налетела на парту, тут же наткнулась на соседнюю. Потом, пробежав возле удивлённого директора и едва не задев его локтем, Настя выбежала в коридор…

– Такие вот дела… – директор снова вздохнул, посмотрел растерянно на распахнутую дверь. – Догони её, Смирнова! – вдруг обратился он к Веронике, – Почему она побежала, ты не знаешь?

Вероника отрицательно мотнула головой, одновременно с этим вставая с места. Потом она, медленно, не торопясь, направилась к выходу.

– Хотя, что я спрашиваю! – негромко произнёс директор. – Ясно, почему!

Услышав это, Вероника чуть задержалась у самого выхода, с какой-то странной тревогой посмотрела на директора, так, словно ожидая продолжения. Но продолжения не последовало.

– Ты что-то спросить хочешь, Смирнова?

– Нет, ничего! – сказала Вероника и вышла.

Подругу она нашла там, где и ожидала найти, в старом городском парке. Настя сидела на одной из скамеек и, почти уткнувшись лицом в колени, тихо плакала.

Некоторое время Вероника молча и с каким-то любопытством даже рассматривала неподвижно-сгорбленную Настину фигуру, потом она вздохнула и осторожно опустилась на скамейку рядом с подружкой.

– Ну всё, хватит! – сказала Вероника, положив руку на худенькое Настино плечо. Потом помолчала немножко и добавила, стараясь говорить как можно мягче и убедительней: – Возьми себя в руки!

– Не трогай меня! – одним резким движением Настя сбросила с плеча Вероникину руку, вскочила на ноги. – Неужели ты не понимаешь, что это мы убили её! Что это всё мы… мы с

тобой… – замолчав, Настя в упор посмотрела на Веронику, – Ты улыбаешься?! Как можешь ты улыбаться, после всего того, что произошло!

Последние слова она почти выкрикнула.

– Замолчи! – Вероника тоже вскочила на ноги, тревожно оглядываясь по сторонам, потом она схватила Настю за руку, крепко сжала. – Что ты несёшь, дура!

Настины колени вдруг подогнулись и она упала как подкошенная в молодую густую траву.

– Зачем! Зачем! Зачем! – неразборчиво, как пьяная, бормотала она, вздрагивая от беззвучных рыданий. – Зачем только я послушалась тебя! Зачем я, вообще, рассказала тебе об этой чёртовой книге! Почему я не сожгла её сразу же, как только нашла!

Вероника вновь настороженно осмотрелась вокруг, потом она опустилась на колени возле подружки. Схватила её за плечо, одним сильным рывком повернула к себе лицом и изо всей силы ударила ладонью по щеке.

Испуганно всхлипнув, Настя схватилась рукой за щеку и замолчала.

– Ну что, успокоилась? – тяжело дыша, Вероника в упор смотрела на подругу, прямо в перепуганные глаза её смотрела. – А теперь слушай внимательно! Слушаешь? Так вот, мы тут ни причём! Ты побежала, как дура, и не слышала, что директор потом говорил…

– А что он говорил? – голосом полным надежды прошептала Настя. – Почему она умерла?

– Почему умерла? – Вероника задумалась на мгновение, быстренько провела кончиком языка по внезапно пересохшим губам. – Понимаешь, он точно не знает, но её, оказывается, машина сбила позавчера. Легковушка…

– Легковушка? – Настя села, с некоторым даже недоумением посмотрела на Веронику. – Какая легковушка?

– Обыкновенная! – Вероника вновь облизнула губы кончиком языка. – Иномарка, в общем, какая-то. Ну… ударила, Марья Степановна, естественно, упала…

– Упала, – словно эхо повторила Настя, потом, спохватившись, добавила: – А потом?

Вероника вздохнула, почему-то отвела глаза в сторону.

– Понимаешь, потом все решили, что ничего серьёзного не произошло, – сказала она, стараясь не встречаться с Настей взглядом. – Да и Марья Степановна сама тоже… вот даже в школу пришла, уроки проводила… Это позавчера…

– Вчера ведь она тоже была в школе! – сказала Настя.

– И вчера! – подхватила Вероника, искоса взглянув на подругу. – А потом ночью – вдруг резкое ухудшение! Понимаешь?

Настя неуверенно кивнула.

– Ну вот! – Вероника кинула на Настю быстрый испытующий взгляд, снова вздохнула и добавила: – В больнице уже ничего не смогли сделать…

Она замолчала.

– Машина? – Настя взглянула на Веронику, потом как-то неуверенно улыбнулась ей сквозь слёзы, но это были уже совершенно другие слёзы, слёзы облегчения. – Ну, конечно же, машина! Машина, а не мы, правда же?

– Ну, разумеется, не мы! – Вероника поднялась с колен, досадливо морщась, принялась отряхивать с джинсов прилипшие к ним травинки, мелкие какие-то щепочки. – Так что, вставай, хватит хныкать! Идём!

– Куда? – встревожено спросила Настя, вскакивая на ноги. – В школу? Я не хочу сейчас в школу, я туда не пойду!

– И не надо! – сказала с каким-то даже облегчением Вероника… внимательно, даже слишком внимательно смотрела она сейчас на подругу. – Мы домой пойдём.

– А ранцы, учебники?

Вероника равнодушно пожала плечами.

– Да что с ними случится, если разочек в школе переночуют! Завтра заберём.

– Ну, хорошо!

Настя улыбнулась и первой направилась к дорожке, ведущей к центральному выходу из парка. Потом она вдруг остановилась, повернулась в сторону Вероники.

– Пусть это и не мы! – торопливо прошептали её дрожащие губы. – Но ведь мы больше всё равно не будем так делать? – Настя смотрела на Веронику почти умоляюще. – Пообещай, что мы больше никогда не будем так делать!

– Обещаю! – сказала Вероника, думая о чём-то своём, потом она посмотрела Насте в глаза, встревоженные и умоляющие одновременно, засмеявшись, добавила: – Ну, не будем, не будем!

Вероника подошла к Насте, обняла её за плечи, притянула к себе.

– Теперь успокоилась, дурёха?

Настя благодарно кивнула и пошла по узкой дорожке парка. Вероника же чуть приотстала, совсем немного… теперь она шла позади подружки, внимательно смотрела ей в спину и мучительно размышляла о той непростой, дурацкой даже ситуации, в которую сама же себя и поставила.

Их учительница математики, она же – их классный руководитель, Марья Степановна, умерла, и умерла она исключительно по их вине, ибо не существовало никакого автомобиля, якобы её сбившего. Всё это Вероника выдумала на ходу, сочинила исключительно для успокоения совести этой размазни, тряпки этой чёртовой, Насти. Но почему она выбрала именно автомобильную версию?

Не потому ли, что именно позавчера, тайком даже от Насти Вероника, используя игрушечный ярко-оранжевый автомобильчик своего младшего братика по отцу, впервые попробовала, пользуясь странными и страшноватыми ритуалами Чёрной книги, сотворить нечто подобное тому, что вчера вечером они творили уже на квартире у Насти вдвоём. Из множества разнообразных вариантов они выбрали вчера именно вариант с иглами, пламенем свечки (парафиновой, правда, хоть и чёрного цвета).

Старинный обряд оказался весьма действенным даже с парафином, а автомобильный модернизированный вариант почему-то не сработал. Или не успел сработать, что, впрочем, не имело уже значения.

Но Насте об этом знать совершенно не обязательно, лучше ей обо всём этом просто не знать. Она и так с трудом превеликим поверила наспех придуманной Вероникиной лжи… да и в любой момент она может от кого-то из одноклассников узнать правду…

И что тогда?

«Дура! Тряпка! – с неожиданной даже для себя самой злостью подумала Вероника о Насте, исподлобья наблюдая за шагающей впереди подругой. – Такой шанс… такая власть над всеми… друзьями, врагами… И что, всё теперь побоку только потому, что Настя, видите ли, расклеилась! Ну, нет, так не пойдёт! Забрать у неё книгу, может?… да она теперь вряд ли отдаст, тем более ей, Веронике! А, может, отдаст, пока ещё не всё знает?»

Вероника подняла голову и с удивлением обнаружила, что парк уже остался далеко позади, и они теперь находятся возле перекрёстка. Точнее, это она, Вероника, находилась возле перекрёстка, а Настя, нетерпеливая как всегда, уже шла через этот перекрёсток… шла одна-одинёшенька прямо на запрещающий сигнал светофора.

Не желая следовать дурному примеру подруги, Вероника законопослушно остановилась у самой кромки тротуара и прислонившись плечом к холодному бетонному столбу, замерла на месте в нетерпеливом ожидании. Но время шло, а проклятый этот светофор решил, кажется, поиздеваться над Вероникой, всё не давая и не давая ей разрешающего зелёного сигнала. Вероника решила уже, плюнув на все эти условности, бежать вслед за Настей, как вдруг, краем глаза заметила справа от себя какое-то постороннее движение. Тотчас же повернув голову вправо, Вероника увидела, как, вылетев на бешеной скорости из-за поворота, изящная ярко-оранже-

вая иномарка стремительно приближалась к перекрёстку, не думая даже хоть как-то скинуть перед ним немалую свою скорость. Наоборот даже, Веронике вдруг показалось, что по мере приближения к перекрёстку, скорость оранжевой иномарки ещё возросла…

– Настька! – вся похолодев от внезапной догадки, закричала Вероника и рванулась вперёд, к подруге, уже на ходу сообразив, что кричать было нельзя, что это ошибка, ибо Настя тотчас же остановилась посреди улицы и, обернувшись, с удивлением уставилась на бегущую к ней Веронику.

– Настька! – ещё громче заорала Вероника, поняв вдруг, что безнадежно опаздывает…

Машина была уже совсем близко, а Настя всё ещё не замечала её. Вероника же, напротив, отчётливо различала даже лицо водителя несущейся оранжевой этой смерти, странно неподвижное и ничего абсолютно не выражающее. Водитель был либо пьян в стельку, либо…

Либо находился под каким-то внешним сильным воздействием и совершенно даже не контролировал ситуацию…

Но Веронике уже некогда было над всем этим раздумывать. Настя наконец-таки заметила опасность, тонко вскрикнула от ужаса… метнулась сперва в одну, потом в противоположную сторону, что, конечно же, нельзя было делать ни в коем случае. Оранжевый автомобиль тоже изменил направление… он словно поставил себе конкретную задачу и явно не собирался в последний самый момент упускать жертву, заранее для себя намеченную. И в это самое время Вероника, сделав, наконец, самое последнее и самое отчаянное усилие над собой, оказалась совсем рядом с Настей и, заслонив её своим телом, с силой отшвырнула подругу куда-то в сторону…

В те доли секунды, которые оставались ещё до столкновения, Вероника успела заметить, как испуганно расширились глаза водителя иномарки, который, словно очнувшись только сейчас от забытья или опьянения, осознал наконец весь страшный смысл происходящего… и в это самое время чужая, безжалостная сила швырнула её вверх, в пустоту. Вероника, не почувствовав даже боли от удара, ощутила вместо этого какую-то странную, пугающую лёгкость во всём теле и яркое, ослепительно-яркое сияние вспыхнуло вдруг прямо над её головой. И она понеслась туда, в яркое это сияние, поднимаясь всё выше и выше…

Мать, молодая и красивая, низко склонилась над её маленькой колыбелькой, ласково ей улыбаясь. Вероника как-то сразу поняла, что это и есть её мать, она узнала её сразу, хоть никогда в жизни не видела раньше, даже на фотографиях, ибо все фотографии сожгла мачеха в пьяном виде… давно, когда Вероника была ещё маленькой и ничегошеньки ещё не понимала. Потом мать наклонилась ещё ниже, и подхватила её на руки, и крепко прижала к своей груди, и Веронике сразу же стало так хорошо, как никогда в жизни не было. Она тоже благодарно улыбнулась матери, уткнулась лицом в тёплое, ласковое, дивно пахнущее молоком и почему-то мёдом, материнское плечо да так и застыла в странном каком-то оцепенении. Вместе они стремительно понеслись ввысь, окружённые со всех сторон ослепительным этим сиянием, и Вероника с радостью осознала, что теперь они всегда будут вместе и никто никогда уже больше не разлучит её с матерью…

Она умерла ещё до того момента, когда обезображенное тело её, взлетев высоко над автомобилем и описав в воздухе длинную пологую дугу, тяжело ударилось об асфальт совсем неподалёку от оцепеневшей от ужаса Насти. Голова Вероники, страшно и ненатурально вывернутая, казалось, смотрела в упор на Настю мёртвыми, широко распахнутыми глазами, Снизу, из-под волос, в беспорядке рассыпавшихся по асфальту, уже расплывалось, становясь всё шире и шире, зловещее алое пятно…

И, осознав, наконец, всё произошедшее, Настя пронзительно закричала. Она всё кричала и кричала, так словно пытаясь отчаянным этим криком хоть что-то изменить, исправить в только что произошедшим, пытаясь повернуть время вспять, самой оказаться на месте мёртвой Вероники. К ней, к ним с Вероникой уже бежали люди… взвизгнув тормозами, остановилась

рядом милицейская машина, но Настя ничего этого не видела и не слышала. Её трясли, ощупывали чьи-то руки, какой-то мужчина бережно поднял Настю с асфальта и понёс на обочину, а она всё продолжала и продолжала кричать до тех самых пор, пока не потеряла сознание…

Глава 2. Во сне и наяву

Где-то еле слышно бормотали человеческие голоса, далеко, на самом пределе слышимости… но Настя даже не пыталась разобраться, о чём они там так непонятно бормочут. В том чёрном бесконечном пространстве, где она сейчас находилась, было на удивление хорошо и уютно, а главное, совершенно безопасно. Выходить из блаженного этого состояния Настя никак не торопилась, ибо впереди её ожидало – не помня абсолютно ничего о себе и своём прошлом, об одном этом она знала совершенно точно – впереди ожидало её что-то непередаваемо страшное…

Потом голоса вдруг стали стремительно приближаться, крепчать… с удивлением превеликим Настя узнала голос матери, а вот второй голос, мужской, она так и не смогла определить, это был какой-то совершенно чужой, незнакомый ей голос.

– Психологический шок, – монотонно и почти невнятно бормотал чуть хрипловатый этот голос, – защитная, так сказать, реакция организма на тот стресс, которому он подвергся. Но ей уже лучше, видите! – Настя вдруг почувствовала на своём лбу чью-то тёплую тяжёлую ладонь, удивилась и даже обеспокоилась слегка присутствию здесь, в чёрной своей бесконечности, этой явно лишней и совсем даже неуместной чужой ладони. – Всё самое страшное уже позади, могу вас уверить!

– Спасибо вам, доктор! – снова донёсся до Насти далёкий голос матери… Насте показалось даже, что мать всхлипнула, а, может, ей это только показалось…

«Доктор? – всплыло откуда-то из самых глубин подсознания вялое, почти безразличное удивление. – Причём тут доктор? Я что, заболела?»

Наверное она и в самом деле заболела, тяжело заболела, может даже с опасностью для жизни, и валялась в беспамятстве какое-то время, довольно продолжительное. А вот теперь кризис, кажется, миновал или почти миновал, и дальше всё будет хорошо. Она уже очнулась, теперь пойдёт на поправку, выздоровеет…

Смущало и даже тревожило Настю то обстоятельство, что она ничегошеньки не помнила об этой своей болезни, хотя бы о самой начальной её стадии. Болезни внезапно не начинаются, хоть что-то, хоть малость самую она должна была помнить… или эта болезнь действительно началась внезапно? А что было до того?

Настя вдруг с ужасом осознала, что не хочет вспоминать ЭТО… она просто боится ЭТО вспоминать.

Но почему? Что страшного могло произойти до начала ЭТОГО?

ЧЕГО именно она так опасается?

– Они что, были подругами? – глухо, как сквозь вату донёсся до её слуха голос этого самого доктора… мать что-то ответила ему, что именно, Настя так и не разобрала, но доктор, кажется, всё разобрал, он тяжело вздохнул и добавил: – Тогда понятно!

– Она спасла ей жизнь! – на этот раз голос матери прозвучал на удивление близко и отчётливо, а, может, это сама мать подошла ближе. – Она спасла её, а сама… – голос матери дрогнул. – Бедная девочка!

– Бедная девочка! – механически, словно эхо повторил доктор и оба они замолчали.

«О ком это они? – снова вяло заворочались в голове у Насти неторопливые и, одновременно, тревожные мысли. – Это я, что ли, бедная девочка? Но почему? Кого это я спасла, а сама… Что, сама?»

Страшная мысль пришла вдруг Насте в голову и буквально пронзила её. Она кого-то спасла, а сама при этом сильно пострадала! А может… может, не просто пострадала, а стала инвалидом! Возможно, даже потеряла ногу! Или обе ноги! Или у неё проблемы с позвоночником, вот почему она не в силах даже пошевелиться!

– Родители у неё были? – снова донёсся до слуха Насти хрипловатый голос доктора. – Я имею в виду, оба родители?

– Отец только… – Настя услышала, как мать вздохнула. – Отец, да и тот…

– Выпивает? – осторожно спросил доктор.

– Выпивают! – поправила мать. – С мачехой на пару!

– Бедная девочка! – доктор замолчал… слышно было, как он, позвякивая, собирает какие-то инструменты. – Её Вероникой, кажется, звали? А похороны когда?

Словно рухнула запруда и тяжёлый поток воспоминаний безжалостно обрушился на беззащитный, обнажённый Настин мозг. Всё странно и страшно перемешалось в стремительном этом потоке: смерть учительницы, ярко-оранжевая иномарка, стремительно несущаяся из пустоты прямо на неё, Настю, Вероника, неожиданно оказавшаяся рядом и заслонившая её собой. И другая Вероника, окровавленная, пугающе неподвижная, посмотрела вдруг на Настю широко открытым, безжизненным взором… а потом, заслонив всё и вся, выплыла откуда-то из глубины подсознания страшная Чёрная книга и Настя явственно ощутила смертельную опасность исходящую от пожелтевших древних её страниц…

– Книга! – отчаянно закричала Настя, вскакивая с кровати. – Книга! Это всё Книга!

В глазах у Насти стоял какой-то странный красноватый туман, всё вокруг дрожало и расплывалось, но Настя сумела всё же рассмотреть сквозь кровавый этот туман испуганное лицо матери. А потом какая-то непонятная безжалостная сила схватила Настю, крепко до боли сжала её, швырнула на пол у самых материнских ног…

– Настя! Доченька! – мать подхватила её, прижала к себе. – Ну, успокойся, успокойся! Всё будет хорошо, вот увидишь!

– Книга! – Настя судорожно билась в руках у матери. – Уничтожь Книгу! Сейчас же её уничтожь!

– Доктор! – закричала мать, с трудом удерживая Настю. – Помогите, доктор! Сделайте хоть что-нибудь!

Настя вдруг почувствовала, как чужие сильные руки оторвали её от матери. Она попыталась, было, сопротивляться, но руки были сильнее: и вот уже Настя вновь оказалась в кровати, потом что-то больно укололо её в правое плечо.

– Нет! – пронзительно завопила Настя, поняв, наконец, что произошло. – Не надо! – она уже вновь проваливалась в прежнюю обволакивающую пустоту, мысли путались, уплывали куда-то… сказывалось, наверное, действие укола… – Мне нельзя спать! – из последних сил прошептала Настя. – Книга! Сначала Книга! Её надо…… надо её… – язык Насти заплетался всё больше и больше, отдельные бессвязные слова сливались в сплошное неразборчивое бормотание, – уничтожьте Книгу… она… её…

– Что она хотела нам сказать? – удивлённо спросил доктор, наблюдая как мать осторожно укрывает спящую Настю одеялом, заботливо поправляет ей подушку. – О какой книге речь?

– Понятия не имею!

Мать пожала плечами, внимательно наблюдая за спящей дочерью, потом она встревожено посмотрела на доктора.

– Это пройдёт, доктор?

– Должно пройти.

Мать даже не подозревала о самом существовании Книги. О Книге знали только Настя и…

И Вероника.

Вернее, о Книге теперь знала одна только Настя.

Впрочем, была ещё и Ксюша… и она…

Она тоже кое-что знала о Книге…

Глава 3. Чёрная книга (Небольшое отступление в прошлое)

Третьим человеком, который, не всё, правда, но кое-что знал о Книге, например, о самом факте её существования, была Настина сельская подруга, Ксюша. Конечно, Ксюша не Вероника, но в бабушкиной глухой деревушке, где развлечений раз, два и обчёлся – в такой ситуации Ксюша была совсем даже неплохой подружкой. На безрыбье, как говорится…

Ксюша была на год с хвостиком старше Насти, но ростом совсем не удалась – доставала Насте до плеча только. Была она к тому же толстовата, не так, чтобы чрезмерно, но всё же излишне полной для своих молодых лет. Ещё она была близорукой, хоть очков принципиально не признавала, конопатой до невозможности, да и умом особым не отличалась, а если чем и отличалась, так это излишней болтливостью и суетливостью.

Но имелись у Ксюши и несомненные достоинства, а главным из них, по мнению Насти, было то, что, несмотря на свой более старший возраст, смотрела Ксюша на Настю в точности так, как сама Настя смотрела всегда на Веронику – снизу вверх и с немалой притом долей обожания.

Чёрную книгу Настя и нашла именно благодаря Ксюше, точнее, неуемной её болтливости. Это случилось прошлым летом, когда Настя, несмотря на все её просьбы и мольбы, вновь была отправлена матерью в «почётную ссылку» к бабушке на целый месяц. Скучала она там отчаянно, считала дни, оставшиеся до окончания «ссылки», даже Ксюшиному присутствию была почти рада. Каждый вечер они гуляли вдвоём по деревне, заселённой преимущественно людьми пожилыми, не считая сопливых карапузов, тоже доставленных родителями к бабушкам на лето. Настя с Ксюшей были единственными представителями молодёжи в забитой этой деревушке. Проживал, правда, в деревушке ещё и местный тракторист-алкоголик Пашка, но так как, несмотря на свои двадцать с небольшим, выглядел Пашка на все сорок, Настя категорически отказывалась считать его «почти своим ровесником».

Однажды, гуляя вот так, неспешно и бесцельно, подруги забрели на самый дальний край деревни. Эту, самую крайнюю её улочку Настя знала особенно плохо, вернее, она её не знала совершенно. Обычный глухой переулок, ничего такого особенного, но вдруг Ксюша, болтавшая как обычно, без остановки, в десятый, а может и в сотый даже раз пересказывая Насте какие-то давние события местного значения, так вот, болтливая эта Ксюша вдруг умолкла на полуслове, испуганно оглянулась вокруг и проговорила почему-то шёпотом:

– Куда забрели!

Потом она шмыгнула носом, ещё раз испуганно огляделась по сторонам и добавила ещё тише:

– Пошли скорее отсюда! – А так, как Настя не спешила выполнять эту Ксюшину установку, Ксюша, крепко ухватив подругу за рукав, почти силой потащила её прочь, приговаривая: – Давай, давай, поворачивай!

Настя пожала плечами. Ёй было всё равно, куда поворачивать, они так бы и ушли прочь, но болтливая Ксюша, не удержавшись, добавила:

– Видишь тот дом слева! Там раньше ведьма жила!

Настя обернулась и с неподдельным интересом посмотрела в указанную сторону. Неизвестно, что ожидала она там увидеть, но увидела лишь неказистую скособоченную избёнку с соломенной ещё крышей, с тёмными, почти непрозрачными стёклами двух маленьких окошек, угрюмо смотрящих в сторону переулка.

– Ведьма? – недоверчиво переспросила она. – Настоящая?

Ничего на это не ответив, Ксюша лишь испуганно кивнула, что Настю даже позабавило слегка.

– Она что, на помеле летала, эта ваша ведьма? – не удержавшись, Настя прыснула со смеха, до того комической показалась ей испуганно-серьёзная Ксюшина физиономия. – Над деревней лунными ночами!

– Не смейся, не смейся! – Ксюша вторично ухватила подругу за рукав. – Накличешь, потом не отвяжется! Пошли лучше отсюда!

– Подожди! – Настя вырвала руку, посмотрела на подругу с жалостью смешанной с искренним каким-то недоумением. – Ты что, серьёзно веришь во всю эту чепуху? – она заметила вдруг, как зябко передёрнулись Ксюшины плечи. – Ты что, боишься её?

– А то нет! – Ксюша вновь поёжилась словно от холода. – У нас в деревне её все боятся!

– Подожди, подожди! – Ксюша совсем запутала Настю. – Так она что, не умерла? А ты говорила, вроде…

– Умерла! – Ксюша испуганно огляделась по сторонам. – Но её и мёртвую все боятся! – она замолчала на мгновение, молча уставилась на недоверчивое Настино лицо. – У бабушки своей спроси, коли мне не веришь!

Пожав плечами, Настя ничего на это не ответила и подруги пошли обратно. Сначала они шли молча, но не успела только запретная избушка скрыться из глаз, как Ксюша вновь принялась трещать на самые разнообразные темы. Но, при всём разнообразии этих тем, тему ведьмы она старательно обходила, поэтому вскоре Настя тоже совершенно забыла о ведьме. Лишь вечером, уже отходя ко сну, Настя вспомнила о заброшенном переулке, о мёртвой ведьме, которую, если верить Ксюше, жители деревни по-прежнему смертельно боятся, а вспомнив, она тут же спросила у бабушки, уже лежащей в своей кровати:

– Сегодня Ксюшка о какой-то ведьме болтала… – она замолчала, ожидая, что же ответит на это бабушка, но бабушка не ответила ничего и Насте пришлось продолжать: – Что это за ведьма такая, а?

– Нашла о ком спрашивать на ночь глядя! – сердито проворчала бабушка и даже сплюнула. – И Ксюше твоей делать больше нечего, кроме как голову тебе забивать всякой ерундой! Вот я ей завтра всё выскажу!

– Бабуля! – Настя села в кровати, – Расскажи мне о ней!

– О ком? – не поняла бабушка. – О Ксюше, что ли?

– О ведьме!

– Спи, давай! – бабушка снова сплюнула через левое плечо и, чего с ней никогда раньше не было, размашисто перекрестилась.

– Бабуля! – даже удивилась Настя. – Ты что, тоже веришь во всю эту ерунду? – Она помолчала немного и добавила с укоризной: – А ещё учительница бывшая!

Она замолчала, в ожидании бабушкиного ответа, но бабушка так ничего Насте не ответила, и, вообще, кажется, уснула. А потом и сама Настя незаметно задремала, и на этом их разговор о ведьме закончился.

А наутро Настя взялась за Ксюшу. Она устроила подруге самый настоящий допрос с пристрастием и вскоре узнала через неё всё, что хотела знать…

А впрочем, хотела ли?

Выяснилось, что женщина, которую Ксюша – как и вся деревня, впрочем – считала ведьмой, умерла много лет назад, но до сих пор никак не может угомониться: всё вредит и вредит деревне.

– Как так? – не поняла Настя. – Мёртвая и вредит?

– Так это же ведьма! – Ксюша, как и вчера, испуганно оглянулась, понизив голос, добавила: – Ты знаешь, некоторые люди её ночью встречали… ну, неподалёку от той улицы! Издалека, правда, видели, близко она ни к кому не подходила, но всё равно страшно!

– И что? – тоже шёпотом спросила Настя. Тревога подруги каким-то непонятным образом передалась и ей. – Ты её тоже встречала?

– Да что ты! – Ксюша встревожено замахала рукой. – Да я б от страха на месте окочурилась! – Она вздохнула, помолчала немного и добавила: – А вот люди видели! – глаза Ксюши вдруг испуганно округлились. – И знаешь ещё что…

– Что? – спросила Настя.

– Она всегда перед чьей-то смертью появляется! Вот как её увидят – через какое-то время в деревне умирает кто-то… не тот, кто увидел – другой кто-нибудь! И всегда глупой какой-то смертью: то в речке утонет, то в бане угорит, то ещё какая-нибудь ерунда. Не веришь?

Вместо ответа Настя лишь как-то неопределённо пожала плечами.

Конечно же, она ни капельки не поверила во всю эту чепуховину, но спорить с Ксюшей по данному вопросу не стала. Вместо этого, Настя просто ловко перевела разговор на какую-то совершенно постороннюю тему, Ксюша сей разговор охотно подхватила… и тема ведьмы, казалось, была окончательно позабыта.

Но это только казалось. Уже вечером того же дня Настя вдруг обнаружила, что боится темноты. Ей страшно было даже зайти одной в тёмный чулан, куда бабушка отправила её за молоком. А уж от одной только мысли о том, что придётся – а что поделаешь – выйти перед сном на тёмный ночной двор… от одной только мысли этой Настю вдруг бросило в такую дрожь, что она даже удивилась. Но удивление быстро прошло, а вот страх остался… настоящий первобытный какой-то страх… и пришлось недоумевающей бабушке сопровождать любимую внученьку в места не столь отдалённые…

Да и потом, лёжа уже в кровати и тревожно прислушиваясь к неровному свистящему дыханию мирно спящей бабушки, Настя, как не старалась, всё никак не могла и не могла уснуть. Потом ей послышалась какая-то странная возня прямо под окном, словно кто-то изо всех сил пытался приотворить его снаружи. Насте почудилось даже чьё-то мерзкое хихиканье в районе окна, она взглянуть боялась в ту сторону, не сомневаясь ничуточки в том, что, взглянув, обязательно увидит в чёрном проёме окна горящие глаза мёртвой ведьмы и ужасную её физиономию. Вся похолодев от охватившего её ужаса, Настя долго лежала совершенно неподвижно – как вдруг мерзкое это хихиканье раздалось в самой уже комнате, в самом дальнем её углу, за сундуком, а может и в самом сундуке, кто знает. Кто-то явно пытался приоткрыть сундук изнутри, выбраться из него наружу… это была, наверное, всё та же проклятая ведьма!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.